

войсками», о которомъ говорилъ Императоръ Николай, а равно и то «*отсутствіе взаимной связи въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ*», которое было одною изъ главныхъ причинъ неудачи, по мнѣнію генераловъ Богдановича и Дубровина¹⁾.

Нельзя согласиться съ г. Алабинымъ лишь въ томъ, что только будущій историкъ можетъ взвѣсить и оцѣнить всѣ фазы Алминского сраженія: это возможно и теперь при достаточномъ знакомствѣ съ военною литературою и особенно съ трудами, указанными въ выноскахъ, а равно и съ записками самого же г. Алабина.

На стр. 27, между прочимъ, сказано: «На вопросъ императора Наполеона III, могъ ли Севастополь быть взятъ съ сѣверной стороны, Э. И. Тотлебенъ отвѣтилъ, что укрѣпленія сѣверной имѣли слабую профиль, были не сильно вооружены и занимались однимъ баталіономъ пѣхоты, поддержанымъ 12-ю баталіонами только что сформированныхъ и дурно вооруженныхъ экипажей, а потому еслибы послѣ Алминского дѣла союзники безостановочно продолжали наступленіе, то штурмъ былъ бы успѣшенъ». Нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ знаменитаго инженера, составлявшаго планъ подготовки сѣверной стороны къ оборонѣ, ибо хотя, благодаря искуснымъ его распоряженіямъ и необыкновеннымъ трудамъ рабочихъ, до прихода союзниковъ къ Бельбеку и была уже подготовлена позиція, имѣвшая на фронтѣ въ $1\frac{1}{2}$ версты 29 орудій большаго калибра, но гарнизонъ сѣверной стороны состоялъ только изъ 11,000 человѣкъ, почти исключительно моряковъ, вооруженныхъ однимъ только абордажнымъ оружиемъ, тогда какъ союзники располагали

¹⁾ См. сочиненія обоихъ генераловъ о восточной войнѣ 1853—56 гг. Послѣдній изъ нихъ, между прочимъ, говоритъ: «Эта причина (отсутствіе взаимной связи въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ) главнѣйшимъ образомъ происходила отъ отсутствія всякихъ предварительныхъ распоряженій, отчего не только войска, но и главные начальники оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоявшихъ дѣйствій. ... Въ арміи царствовала полнѣйшая безурядица»... (Стр. 92—93, Алабинъ, стр. 15).

впятеро превосходными силами, были отлично вооружены и воодушевлены только что одержанною побѣдою и могли еще опираться на содѣйствіе артиллериі своихъ флотовъ. Къ тому же паденіе съверной стороны приводило къ неминуемому паденію и самого Севастополя.

Итакъ все говорило въ пользу штурма съверной открытою силою; но союзники на это не рѣшились. Г. Алабинъ полагаетъ, что если бы этотъ штурмъ стоилъ имъ даже и такихъ потерь, какія они понесли въ день взятія Севастополя, то они сберегли бы все, что потеряли въ людяхъ, деньгахъ и материалахъ съ Алминскаго сраженія по 27-е августа 1855 года; однако при этомъ онъ замѣчаетъ, что взятіемъ съверной союзники никакихъ благопріятныхъ результатовъ не получали съ того момента, какъ мы затопили наши суда, преградивъ тѣмъ союзному флоту входъ на рейдъ; атаковать съверную одними сухопутными войсками не было цѣли, такъ какъ подъ огнемъ нашего флота союзники не могли бы удержаться на съверной, а тѣмъ болѣе не могли бы надѣяться одной полевой артиллерией уничтожить нашъ флотъ въ бухтѣ; между тѣмъ, становясь тыломъ ¹⁾ ко всей Россіи, они теряли операционую базу ²⁾ и оставались бы безъ продовольствія въ ежеминутномъ опасеніи, что русская армія можетъ прервать ихъ сообщенія съ Евпаторіей и флотомъ, поставивъ ихъ между двухъ огней; союзникамъ было безусловно необходимо обеспечить свой тылъ; на этомъ основаніи ихъ главнокомандующіе положили обойти Севастопольскій рейдъ, овладѣть Балаклавой и атаковать городъ съ южной стороны. Это оправданіе образа дѣйствій союзниковъ введено г. Алабинымъ въ позднѣйшемъ прибавлениі (въ выноскѣ къ стр. 26—28); въ

---

¹⁾ Не вполнѣ «тыломъ», такъ какъ при этомъ получился бы уголъ не въ 180° , но между 180° и 90° .

²⁾ Если г. Алабинъ полагаетъ, что у нихъ база была, то они могли ее обеспечить и не должны были ее терять; если же ея еще не было, то она не могла быть потеряна. Мысль г. Алабина выражена имъ не вполнѣ удачно.

первоначальномъ же текстѣ записокъ онъ склоняется скорѣе въ пользу противоположнаго мнѣнія, которое, пожалуй, болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности, ибо, отдавая полную справедливость геройской доблести и прекрасныи боевыи качествамъ нашего тогдашняго черноморскаго флота, нельзя не признать, что положеніе его на Севастопольскомъ рейдѣ, послѣ загражденія онаго, было несравненно затруднительнѣе, чѣмъ положеніе греческаго флота передъ Саламинскимъ сраженіемъ. Если бы союзники наступали къ Севастополю, не теряя времени, послѣ Алминской побѣды и утвердились на высотахъ къ югу отъ нижняго Бельбека, командующихъ надъ рейдомъ, то бой, который произошелъ бы въ этомъ случаѣ, привель бы ихъ неминуемо къ новой побѣдѣ и къ овладѣнію Севастополемъ, при чёмъ геройство нашего флота не могло бы предотвратить этого исхода, а увеличило бы только затрудненія, которыя пришлось бы преодолѣть союзникамъ; князь Меньшиковъ, потерявшій вѣру въ свои войска и не находившійся на высотѣ своего назначенія, во всякомъ случаѣ отступилъ бы въ направленіи къ Бахчисараю, тѣмъ болѣе что союзники располагали силами вполнѣ достаточными для того, чтобы прервать сообщенія Севастополя съ Россіею. Когда такимъ образомъ Севастополь очутился бы въ рукахъ союзниковъ, никто не мѣшалъ бы имъ перемѣнить операционную линію и устроить хотя бы такую же базу, какая была ими устроена во время осады Севастополя, при чёмъ они, въ худшемъ случаѣ, сразу очутились бы въ такомъ же положеніи, какого они достигли лишь послѣ штурма 27 августа 1855 года. Но двойственность командованія союзною арміею и отсутствіе стратегического искусства у союзныхъ главнокомандующихъ, коимъ обстановка представлялась довольно неясно, имѣли слѣдствіями остановку на Алмѣ, отсутствіе эксплоатациіи побѣды и вообще отсутствіе энергіи въ веденіи операциіи, а затѣмъ рѣшеніе отказаться отъ атаки съвернаго укрѣпленія открытою силою, обойти Севастополь фланговыимъ

маршемъ и предпринять атаку этого города съ южной стороны. Самый фланговый маршъ ихъ 13-го сентября къ хутору Мекензи и далѣе къ р. Черной былъ произведенъ крайне неудовлетворительно: дорога была предоставлена артиллерию и кавалерію, а пѣхота шла по сторонамъ ея, при чёмъ, вслѣдствіе пересѣченности мѣстности и густыхъ кустарниковъ, порядокъ очень скоро нарушился, солдаты разбрелись и начали предаваться мародерству. Даже иностранные писатели признаютъ, что если бы въ это время ихъ войска подверглись нападенію русскихъ, то катастрофа была бы неизбѣжна ¹⁾. Но счастіе въ эту войну было рѣшительно на сторонѣ союзниковъ; въ данномъ же случаѣ союзные вожди нашли себѣ достойнаго соперника въ лицѣ князя Меньшикова, который, принявъ случайно ²⁾ цѣлесообразное рѣшеніе отнести центръ тяжести операций своей арміи изъ Севастополя на путь, привившій его къ свободному сообщенію съ имперіею, не съумѣлъ возвыситься до истинно великаго рѣшенія: покончить съ Севастополемъ собственными нашими руками, какъ это ни было прискорбно для нашего сердца. Жертва, которую онъ принесъ бы такимъ образомъ на алтарь отечества, была бы гораздо меньше и легче, чѣмъ та, которую принесъ Кутузовъ, приведя въ исполненіе свои знаменитыя слова, произнесенные въ Филяхъ въ 1812 году: «Съ потерюю Москвы еще не потеряна Россія!» Пожертвовавъ священною столицею, сердцемъ земли русской, Кутузовъ сохранилъ армію, которая и являлась единственнымъ средствомъ для спасенія Россіи. Слѣдя этому примѣру, Меньшикову надлежало: взорвать и вообще уничтожить въ Севастополѣ все то, что не должно было достаться врагу, вывести войска, вывезти всѣ средства сопротивленія и предоставить Корнилову привести въ исполненіе его планъ двинуться съ флотомъ въ море и атаковать союз-

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. I, стр. 246.

²⁾ Тамъ же, стр. 243.

ный флотъ, столпившійся у мыса Лукулла. Затѣмъ надлежало уклониться отъ боя съ превосходными силами противника, выжидать прибытія подкрепленій и перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ только при наличности достаточныхъ шансовъ на успѣхъ. Правда, что въ такомъ случаѣ наша военная исторія не обогатилась бы достославными страницами, посвященными геройской оборонѣ Севастополя, но за то мы сберегли бы болѣе 120,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя въ севастопольскомъ гарнизонѣ и въ полевыхъ бояхъ при Балаклавѣ, Инкерманѣ, Евпаторіи и Черной¹⁾), тогда какъ союзники сберегли бы только 60,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя подъ Севастополемъ и въ тѣхъ же бояхъ. Такимъ образомъ отношеніе между силами обѣихъ сторонъ измѣнилось бы въ нашу пользу на столько, что если бы союзники рискнули наскѣ атаковать, то ранѣе или позднѣе потерпѣли бы пораженіе, не взирая на отсутствіе искусства въ главной квартирѣ нашей арміи: наступать не только вглубь террито-ріи нашего отечества, но даже и вглубь Крыма они не могли бы, имѣя противъ себя нашу сильную армію, а оставаясь подъ Севастополемъ, они давали бы нашей арміи возможность усиливаться еще болѣе и наконецъ подавить ихъ такими силами, какихъ они сосредоточить не могли, короче сразить ихъ подавляющимъ превосходствомъ силь.

Въ виду этихъ соображеній заключеніе г. Алабина, что князь Меньшиковъ съумѣлъ воспользоваться указанною ошибкою союзниковъ, едва-ли вѣрно; собственно же фланговый маршъ нашей арміи былъ произведенъ ночью въ одной колоннѣ, безъ бокового авангарда и безъ отданія общей диспозиціи для движенія; распоряженія дѣлались княземъ на словахъ и передавались отдельно разнымъ начальникамъ; при этомъ были естественны разныя недоразумѣнія, задержки и

¹⁾ Не считая 5,710 чел., выбывшихъ изъ строя на р. Альмѣ, и 8,455 чел., умершихъ отъ болѣзней во время обороны Севастополя.

т. п. Главные силы обѣихъ армій прошли въ 4-хъ верстахъ другъ отъ друга, а столкновеніе произошло только между хвостомъ колонны Горчакова и англійскимъ авангардомъ. Конечно, отвѣтственность за это должна пачь отчасти на кавалерію обѣихъ сторонъ, не подготовленную къ исполненію одной изъ своихъ важнѣйшихъ обязанностей, развѣдыванія въ достаточно широкихъ размѣрахъ; но главными отвѣтчи-ками, на памяти коихъ остается весь срамъ этой «*фигуры кадрили*», являются главнокомандующіе нашею и непрія-тельскими арміями.

Дѣянія князя Меньшикова поучительны, конечно, въ отрицательномъ смыслѣ: 1) для тѣхъ генераловъ, которые, будучи одержимы самомнѣніемъ, полагаютъ, что они могутъ обойтись безъ надлежащимъ образомъ организованного штаба, и которые любятъ прибѣгать къ словеснымъ указаніямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда польза дѣла требуетъ отданія письмен-ной диспозиціи, а если и отдаютъ диспозиціи, то, подъ ви-домъ краткости, вводятъ въ нее туманность и неопределѣлен-ность, за которыми скрывается фантазерство, короче говоря, которые «*рисуютъ себѣ картины*» вопреки известному со-вѣту Наполеона; 2) для тѣхъ военачальниковъ вообще, ко-торымъ бремя командованія не по силамъ по какимъ бы то ни было причинамъ. Первые должны внимательно изучать военную исторію, вдумываясь особенно серьезно въ дѣйствія полководцевъ, подобныхъ князю Меньшикову въ указанномъ отношеніи; вторые же должны вовсе отказаться отъ коман-дованія.

Такъ или иначе, роковая ошибка сдѣлана: въ Севасто-полѣ оставленъ гарнизонъ и приказаніе обѣ очищеніи его не отдано. Гарнизонъ этотъ былъ *слабъ числомъ, но крѣ-покъ духовною силою*. «Большинство, говоритъ г. Алабинъ, обрекло себя на смерть, но не на сдачу. Геній Корнилова и Нахимова берегъ судьбу города. Эти два героя болѣе другихъ бодрствовали, одушевляли жителей и гарнизонъ сло-

вомъ и примѣромъ. Созвали военный совѣтъ... Корниловъ предложилъ выйти съ остальнымъ флотомъ въ море и съ огнемъ и мечомъ достигнуть Константинополя, или броситься на непріятельскій флотъ и погибнуть, увлекая съ собою на гибель сонмы враговъ». Многіе воспротивились принятію этого геройскаго предложенія. «Смертью своею, говорили герои, мы все-таки не спасемъ флота, но погубимъ флотъ и городъ; если уже суждено погибнуть нашему флоту, то, по крайней мѣрѣ, спасемъ городъ, умирая на его стѣнахъ». Предложеніе это было принято съ восторгомъ. Говорить, Корниловъ согласился съ нимъ и между прочимъ, воскликнулъ: «Будемъ драться до послѣдняго. Отступить намъ некуда: сзади нась море... Запрещаю бить отбой... Если кто изъ начальниковъ прикажетъ бить отбой, заколите такого начальника, заколите барабанщика, который осмѣлится ударить позорный бой. Товарищи! если-бъ я приказалъ ударить отбой, не слушайте, и тотъ подлецъ будетъ изъ васъ, кто не убьетъ меня!» Понятно, какое впечатлѣніе должна была произвести на севастопольскихъ офицеровъ такая геройская рѣчъ... Съ такимъ человѣкомъ, какъ Корниловъ, въ такомъ обществѣ, какое образовали севастопольскіе моряки, какое препятствіе могло показаться невозможнымъ? Какая смерть ужасною? Воскресли древнія времена Россіи... Геній одного пробудилъ геній другого: Тотлебенъ взялся искусствомъ помочь мужеству и несокрушимой отвагѣ севастопольцевъ. Закипѣла сверхъестественная дѣятельность. Кто имѣлъ только силы—работалъ словомъ и дѣломъ. Даже женщины принялись за работу. Перо Тотлебена едва успѣвало чертить укрѣпленія, а севастопольцы не уставали осуществлять его идеи. Орудія съ флота сотнями переходили на вновь создаваемыя батареи... Морскіе офицеры съ своими командами взялись за оборону батарей, для нихъ замѣнившихъ корабли: та-же прислуга, что и на корабляхъ, тѣ-же команды, тотъ-же порядокъ, почти тотъ-же способъ командованія и управлѣнія,

та-же несокрушимая рѣшимость, что и на морѣ, та-же ловкость, что и на реяхъ, та-же отвага, что и въ борьбѣ съ разъяренною стихіею. И вотъ внезапно предсталъ врагамъ на сушѣ, будто по манію волшебнаго жезла, *окаменѣлый флотъ!* Бортами повернутые къ врагу, неподвижно стоять стопущечные земляные корабли, люки открыты, фитили горятъ, все готово. Идите, дорогіе гости»!... (стр. 28—30).

Эти превосходныя строки стоять цѣлыхъ фоліантовъ. Ими авторъ даетъ полное представлениe о томъ пріемѣ, который приготовили севастопольцы своимъ «дорогимъ гостямъ». Начали это дѣло доблестные моряки. Затѣмъ послѣдовательно притягивалось во вновь создаваемую твердыню все больше и больше сухопутныхъ войскъ, главнымъ образомъ пѣхоты, но съ добавленіемъ къ ней представителей разныхъ родовъ оружія и службы. Къ концу обороны подошли и ополченныя части. Съ теченіемъ времени число сухопутныхъ значительно превысило число моряковъ, но духъ и характеръ обороны не измѣнились. Это было обще-русское дѣло и никакой разницы между русскими людьми быть не могло: сухопутные вскорѣ послѣ прибытія въ Севастополь сживались съ моряками въ одно стройное органическое цѣлое, въ одну семью и дружно братски отстаивали бастіоны и укрѣпленія, ходили на вылазки и умирали смертью храбрыхъ, какъ на своихъ постахъ, такъ и на непріятельскихъ позиціяхъ.

Враги наши, перейдя на южную сторону Севастополя, не нашли въ себѣ достаточно рѣшимости для того, чтобы сразиться съ русскими въ открытую и повели осаду. На сторонѣ ихъ были преимущества въ отношеніи материальномъ, главнымъ же образомъ въ отношеніи командованія, калибра орудій, числа большихъ мортиръ и особенно возможности громить Севастополь сосредоточеннымъ огнемъ, нанося громадныя потери обороняющемуся, который долженъ былъ держать свои резервы на готовъ для отраженія штурма, и терпя гораздо меньшія потери вслѣдствіе воз-

можности держать въ траншеяхъ лишь необходимое число войскъ и отводя остальныхъ назадъ ¹⁾.

Чѣмъ далѣе впередъ подвигались союзники, тѣмъ труднѣе было положеніе защитниковъ Севастополя, и это обрисовано г. Алабинымъ въ высшей степени рельефно. О первомъ бомбардированіи 5-го октября онъ говорить сравнительно мало, такъ какъ 11-я дивизія въ то время находилась еще въ Одессѣ, а въ окрестности Севастополя прибыла въ двадцатыхъ числахъ октября, послѣ боя подъ Балаклавою 13-го того-же мѣсяца. Бой подъ Балаклавою является единственнымъ успешнымъ для насъ полевымъ боемъ, но всякий истинно русскій человѣкъ можетъ только желать своимъ войскамъ никогда не одерживать подобныхъ успѣховъ. Если бы князь Меньшиковъ выждалъ прибытія 10-й и 11-й дивизій, то числительность его арміи дошла бы до 85,000 чел., тогда какъ союзники располагали только 70,000 чел., изъ которыхъ въ полѣ намъ могли быть противопоставлены лишь небольшія силы. Но Свѣтлѣйшій, получившій *невѣрное свѣдѣніе* о недостаткѣ у севастопольского гарнизона пороха ²⁾, приказалъ генералу Липранди, не ожидая прибытія подкрепленій, *отвлечь* отъ Севастополя союзниковъ хотя-бы взятиемъ Кадыкійскихъ редутовъ. Конечно, не вина Липранди, что ему приказали произвести операцию, которую онъ признавалъ нецѣлесообразною; но, во всякомъ случаѣ, даже и съ тѣми силами, которыя были въ его распоряженіи, онъ могъ решить лучше данную ему задачу и, пожалуй, даже овла-

¹⁾ Такъ при 1-мъ бомбардированіи русскіе потеряли 1,112, а союзники 348 чел. при 2-мъ русскіе 6,130, а союзники 1,850 чел. и т. д.; только при 4-мъ бомбардированіи (съ отбитиемъ штурма) русскіе 4,827, а союзники 7,000 человѣкъ.

²⁾ Только у сухопутнаго вѣдомства, къ вечеру 9-го октября, было 12,951 пудъ; сверхъ того приближалось 3 транспорта съ 5,900 пуд.; изъ нихъ одинъ прибылъ 13 октября. Пороху хватило бы еще на недѣлю, до прибытія остальныхъ транспортовъ и 10-й пѣхотной дивизіи. Наконецъ порохъ можно было взять изъ флота и изъ минъ. Но въ штабѣ Меньшикова объ этомъ не знали (Алабинъ, стр. 74).

дѣть Балаклавою, принимая во вниманіе недостаточность мѣръ, принятыхъ въ то время союзниками для ея обезпеченія: для этого слѣдовало, не разбрасывая свои силы и не выпуская ихъ изъ рукъ, подавать возможно болѣе впередъ свой лѣвый флангъ и этимъ флангомъ нанести врагу рѣшительный ударъ, при чемъ и кавалерія Рыжова, дѣйствуя на этомъ флангѣ, могла-бы, вмѣсто неудачи, одержать успѣхъ; колонна Гриббе должна была-бы принимать болѣе дѣятельное участіе въ бою, и вообще во всемъ боѣ должно было бы быть больше цѣльности и единства въ дѣйствіяхъ. Съ этой точки зреянія Балаклавскій бой освѣщенъ г. Алабинымъ недостаточно, что впрочемъ объясняется тѣмъ, что онъ въ немъ не участвовалъ. Въ стратегическомъ отношеніи бой этотъ принесъ намъ не пользу, но вредъ, ибо указалъ непріятелю слабую его сторону и заставилъ его принять самыя энергичныя мѣры съ этой стороны.

Но вотъ подошли 10-я и 11-я дивизіи; списочное состояніе арміи дошло до 87,000 чел. (не считая флотскихъ экипажей), а за вычетомъ больныхъ и раненныхъ (находившихся въ госпиталяхъ), въ ней состояло 71,000 чел., тогда какъ силы союзниковъ достигали только 63,000 чел.¹⁾. Перевѣсь въ численномъ отношеніи перешелъ на нашу сторону. Къ тому же прибытие къ арміи Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, слова, Ими сказанныя войскамъ отъ Имени Государя, произвели на войска такое впечатлѣніе, что они были готовы броситься, не задумываясь, въ самый страшный бой (стр. 84).

Нужно было только умѣть воспользоваться этими благопріятными для насъ условіями. Князь Меньшиковъ и предпринялъ наступленіе, приведшее къ Инкерманскому сраженію 24-го октября. Сраженію этому г. Алабинъ посвящаетъ стр. 85—129, при чемъ не только излагаетъ то, что ему

¹⁾ *Обзоръ войны*, стр. 277,